

Донские литературные традиции в творчестве И. Д. Сазанова

В литературном процессе первой трети XX в. заметное место занимает так называемая «донская» тема. Одним из ее родоначальников можно назвать Ивана Дмитриевича Сазанова (1876–1933), произведения которого практически недоступны современному читателю. Талантливые рассказы писателя о жизни, быте, социальных и нравственных проблемах донского казачества, появившиеся на страницах дореволюционных столичных журналов, представляют значительный интерес для исследования литературного контекста эпохи и процесса формирования «донской» темы в русской литературе XX в. Актуальным является вопрос о степени влияния крупнейших казачьих писателей-современников Ф. Д. Крюкова и Р. П. Кумова на творчество И. Д. Сазанова. Цель данной статьи — установить способы художественной ассимиляции донских литературных традиций в рассказе И. Д. Сазанова «Двое». На основе анализа образа священнослужителя выявляются преемственность и новаторство в изображении лиц духовного звания в творчестве писателя.

Священнослужители были в числе постоянных героев русской литературы, начиная с персонажей житий. Г. Чудинова полагает, что к началу XX в. русское «священство» деградировало, и «духовный надлом, пережитый русской православной церковью», отразился в сатирических образах представителей духовного сословия у Чехова, Шолохова и других русских писателей [5]. Изображение священнослужителей в негативном свете было связано с падением авторитета церкви в обществе, ростом революционных настроений и атеистических воззрений.

В казачьей среде уважение к церкви и ее служителям в силу определенных традиций воинской службы и жизненного уклада сохранялось дольше. Эти традиции нашли свое преломление в жизненной и творческой судьбе донских писателей. Так, Ф. Д. Крюков после окончания института решил, что «лучшим местом, которое сближает людей с людьми и удовлетворяет его порыв к любви и самопожертвованию, может быть духовная служба» [1, с. 5]. Р. П. Кумов начинает печатать первые из своих

произведений православной тематики еще в годы учебы в семинарии. Эти произведения поистине можно назвать одними из лучших образцов православной художественной литературы. И. Д. Сазанов, получив образование в Вольской учительской семинарии (1895–1897), также не проходит мимо этой темы: в его произведениях встречаются терновский поп («Двое», 1913), дьячок, ктитор, батюшка («В первый раз», 1909). У Сазанова, вопреки донским традициям, нет особого почтения к этим героям. Показателен и такой факт творческой биографии писателя: в 1910 г. автор по распоряжению саратовского епископа Гермогена был уволен с должности заведующего школой «за антирелигиозное влияние» [3].

Герой Сазанова очень приземленный, несмотря на свой сан, человек: он пьет водку («вилял рюмкой перед багровым лицом»), поет светские песенки («Скажи-ка мне, зачем пою, / Когда мне вовсе не до песен!...», «Лю-ублю быть может безнадо-ожно!»), ругается («орясина», «гнусец», «ляжка верблюжья»), в гневе раскрывает тайну исповеди («К кому солдаты бегают, закрывшись шальями? К кому? О чем шепчут мне на духу, потупив глаза?...») [4, с. 2]). К грубости и простоте в обращении сазановского героя добавляется диковатость его внешнего облика («толстый, косматый и мокрый, как медведь», «волосатый кулак», «рубчатый лоб», «красная вспухшая шея») и громкий голос, больше похожий на крик («крикнул», «прохрипел», «бешенные крики») [Там же, с. 2].

В отличие от терновского попа герои-священники Крюкова и Кумова не обладают столь крупным телосложением. Отец Александр «лет сорока. Среднего роста. Худой. Большая черная запущенная борода. Глаза провалились глубоко под лоб и смотрели оттуда устало, с неведомой тоской, как смертельно раненый олень. <...> Голос тихий, с короткими ударе-ниями» [2, с. 43]. Отец Михаил был «небольшого роста, сухенький священник», но физическая незначительность героя восполняется «поучительным тоном», «проповедническим пылом» [1, с. 109], говорит он, как и положено священнослужителю, «внушительно... делая величественно указующий жест правой рукой» [Там же, с. 102].

Отличительная черта героев Кумова — склонность к аскетизму (отец Георгий, степной батюшка, отец Александр и др.). Они довольствуются малым в быту: «ни занавесок, ни стульев, ни книг» [2, с. 42]. Живут в миру, но сами словно бы не от мира, мало говорят, не берут денег с прихода, а то и вовсе, как отец Александр, помогают на посадке картошки или при родах. Городская молодежь назвала батюшку из-за неразговорчивости и неординарности «оригиналом» [Там же, с. 43], а местные жители «чудным» и «несерьезным» [Там же, с. 47]. В действительности же отец

Александр, как житийный старец, старался убеждать не страхом наказания, а личным примером праведности и подлинной красотой жизни во Христе.

Герой Крюкова — деятельный, шумный, «неугомонный» — «не мог сидеть молча» [1, с. 109]. «Мне более по душе где-нибудь в монастыре священствовать: люблю служить... алтарь, тихое пение, сосредоточенную молитву... так бы служил, не переставая... А для мирян это не всегда того... подходяще... Но люблю я и мирян: народ добрый, мягкий. Дети наипаче» [Там же, с. 110]. Отец Михаил — оратор, который любит, чтобы его слушали, ему внимали, на что, вероятно, повлияло обучение: «...учился в гимназии, — наукам светским, — и неплохо учился... Даже стихи мог сочинять...» [Там же, с. 109].

Если отцу Михаилу все тяготы в радость (вместе с ним разделяет все невзгоды матушка), в народе он видит свою благодарную паству, то для отца Александра «пастырство — это тяжелая одежда. Для живого человека — ох, какая тяжелая одежда. В молодости я надел ее — тяжелую, резавшую плечи, все время старался идти в ней хорошо, достойно, и вот — изнемогаю. Чувствую: не могу удержать ее на своих плечах, она давит меня» [2, с. 57]. Кругом лишь «бедность, невежество, грубость». По завету — какой бы жизнь ни была — терпи, тем более, что по сану положено подавать пример прихожанам. И он терпит, только робко повторяется лаконичная запись в его дневнике: «Мая 4, 1897 г. Я несу свой крест. Июня 6, 1905 г. Я несу свой крест... Тоничка, скоро ли мы увидимся?..» [Там же, с. 50].

В отличие от кумовского батюшки герой Сазанова не склонен к смирению по отношению к жизни. Это еще не бунт (он «бережно снимает... крест пред первой рюмкой»), но уже роптание против Творца [4, с. 2]). Он терпит, но не может не говорить об этом словами Екклесиаста: «И возненавидел я жизнь, потому что противны мне стали дела, которые творятся под солнцем. Ибо все — суета и томление» [Там же]. Поп не случайно вспоминает именно эти слова из библейской книги. Он разочарован в вере («нет мне утешения в вере и молитве»), сомневается в самом смысле жизни: «Жизнь грубая, злая, не приемлет чистого и кроткого. Извергает вон... Вот и ушла Саша, голубица моя чистая!.. Грубое живет, злое и грешное живет, а она ушла» [Там же]. Ведь по словам современного философа и культуролога, «ни в одной другой книге Библии не выражено так ярко это умонастроение душевного упадка, меланхолии, безнадежности», как в книге Екклесиаста [6, с. 194].

Несмотря на неприглядный образ пьющего и ругающегося попа, Сазанов жалеет своего героя, ведь тот одинок. Метафорой жизни становится потерявшийся валенок: «Вспомнил, как мальчишкой славить ходил в такую ночь и валенок в снегу потерял. И вся наша жизнь, гнусная, одинокая, пьяная, ужаснула меня...» [4, с. 2].

Герой Сазанова обнаруживает большее сходство с батюшкой Кумова, чем с героем Крюкова: в своем одиночестве («одиночество, заброшенность», «одинокый священник»), во мнениях о человеке (Кумов: человек «один скоро сгаснет, как маленькая свечка — среди тьмы»; Сазанов: мы «светильники угасшие, под спуд поставленные»), в сомнениях о вере и долге: «как мне тяжело!», «какой я иерей, коли нет мне утешения в вере и молитве?»).

Важное значение получают предметы, окружающие героев: отец Михаил носит с собой записную книжку и назидательную книжечку «Друг народа», в комнате отца Александра лежат медицинские журналы, «старые, с желтыми от времени краями», но «бережно сложенные по номерам» [2, с. 49]. Терновский поп любит слушать, как учитель играет на скрипке. Отец Михаил стремится быть другом и наставником народа, так как народ для него — дети, которых нужно постоянно поучать: «не переставал рассуждать, поучать, повествовать» [1, с. 108]. Отец Александр в память об умершей супруге исполняет скорее ее, чем свою мечту — заботиться о народе не только духовно, но и физически. Терновский поп не может найти «утешения в вере и молитве» и пытается заглушить печаль и боль от потери любимого человека музыкой. «Исторгни скорбь из глубины!..» — говорит он Монголу [4, с. 2].

Кумовский герой — одинок, в одиночестве несет свой крест, долг и память о покойной горячо любимой жене. В деревне он «непонимаемый одинокый священник», «одинокый страдалец-священник» [2, с. 48]. Автор подчеркивает, что он «на краю могилы, подавленный бедностью, без близкого друга (курсив мой. — Е. Б.), гонимый своими и чужими, поднявший на себя грехи и печали темной несчастной деревни» [Там же, с. 58]. Герою Сазанова мысль о том, что он не одинок («нас двое»), придает сил и помогает держаться: не потонуть в жизненном угаре, не спиться, не разувериться в Боге. Поп почти всем чужой, лишь с учителем у него сложились хорошие дружеские отношения («они до раздражающих мелочей изучили друг друга»); потому он испытывает ужас от того, что произошла размолвка («тоскующий взгляд», «низко опустил огромную мокрую голову») [4, с. 2]. В минуты раскаяния у него, как у житийных старцев, появляется склонность к самоуничтожению: «Прости, брат, меня,

пьяного, скверного. <...> По человечеству, по завету Христову прости, Монгоша!..» [4, с. 2].

Отца Александра в рассказе Кумова после смерти жены ничто более не держит на земле, он только ждет своего часа: «Тоничка, скоро ли мы увидимся?» [2, с. 50]. Героя Сазанова связывает с миром людей его дружба с Монголом и особое отношение к спутнице жизни — покойной попадье. Нежная привязанность раскрывается не самими героями, а опосредованно через других героев: Монгол, старушка-соседка, мужик на огороде. Попадья, жена отца Александра, была «молоденькой, с глубокими печальными глазами» девушкой, но решительная и сильная («Она говорит: будем работать! <...> Тоня стыдит, но я – человек, я не могу...») [2, с. 52]. И отец Александр после смерти жены «начал помогать крестьянам в их работах, как поденщик». Близкую трактовку получает образ попадьи у Сазанова. Монгоша вспоминает ее как «бледнолицую, хрупкую, похожую на девушку», «вся она была какая-то нездешняя, чужая в деревенской обстановке. От стрельчатых ресниц глаза у нее лучились, как степные огоньки, но так же, как они, и не грели, и также чувствовалась за ними какая-то темная даль» [4, с. 2]. Поп, вспоминая о покойной жене, называет ее «голубица моя чистая», «святыня». Неземные существа, пришедшие, чтобы осветить ненадолго темный мир пастырей, укрепить их веру.

Донские писатели наделяют своих героев такими агиографическими чертами, как аскетизм, сомнения, лишения, одиночество. Дореволюционная проза И. Сазанова при всей ее самобытности в трактовке церковной темы сохраняет тесную связь с донской литературной традицией.

-
1. *Крюков Ф. Д.* Рассказы. Публицистика. М., 1990.
 2. *Кумов Р. П.* Избранное. Волгоград, 2008.
 3. *Сазанов И. Д.* Автобиография. Автобиблиография. Автограф // РГАЛИ. Ф. 466, оп. 1, д. 20, л. 1.
 4. *Сазанов И. Д.* Двое // Саратов. вестн. 1913. № 283. С. 2.
 5. *Чудинова Г.* Художественное воплощение образов священников в западноевропейской и русской литературе [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.starover-perm.narod.ru/publications/avvakumreadings/2010-12-12-chudinova.pdf> (дата обращения: 20.10.2011).
 6. *Эпштейн М.* Жизнеутверждающий пессимизм: о Книге Екклесиаста // Звезда. 2011. № 1. С. 194–202.